

FEDERICA MANZON

Alma

Roman

Welles

Narratori Feltrinelli

Федерика Мандзон

Возвращение в Триест

Роман

Перевод с итальянского Ксении Тименчик

LETTERS

BELLES LETTRES

Москва, 2025

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
М23

Мандзон Ф.

М23 Возвращение в Триест : [роман] / Федерика Мандзон ; Пер. с ит. К. Тименчик – М. : Альпина Паблишер, 2025. – 348 с.

ISBN 978-5-9614-9741-0

Всю свою жизнь Альма убегает от тяжелых воспоминаний, от людей и от самой себя. Но смерть отца заставляет ее на три коротких дня вернуться в Триест – город детства и юности. Он оставил ей комментарий, постскрипtum, нечто большее, чем просто наследство.

В этом путешествии Альма вспоминает эклектичную мозаику своего прошлого: бабушку и дедушку – интеллигентов, носителей австро-венгерской культуры; маму, которая помогала душевнобольным вместе с реформатором Франко Базальей; отца, входящего в узкий круг маршала Тито; и Вили, сына сербских приятелей семьи. Больше всего Альма боится встречи с ним – бывшим другом, любовником, а теперь врагом. Но свидание с Вили неизбежно: именно он передаст ей прощальное послание отца.

Федерика Мандзон искусно исследует темы идентичности, памяти и истории на фоне болезненного перехода от единой Югославии к образованию Сербской и Хорватской республик. Триест, с его уникальной атмосферой пограничного города, становится отправной точкой для размышлений о том, как собрать разрозненные части души воедино и найти свой путь домой.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© 2024 by Federica Manzoni
First Italian edition Giangiacomo Feltrinelli Editore
Published by arrangement with Rosaria Carpinelli
Consulenze Editoriali and ELKOST International
literary agency.

ISBN 978-5-9614-9741-0 (рус.)
ISBN 978-88-07-03578-4 (итал.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Этот роман — плод воображения. Исторические события, места и персонажи, которые реально существуют или существовали, изменены авторским замыслом. Любое совпадение с реальными людьми или фактами следует считать случайным.

Посвящается Адольфо

ОСТРОВ

В апреле мало катеров, что курсируют между материком и островом. Она шагает по заколоченному поселку: женщина с ногами как у цапли и морщинками у голубых глаз, как бывает у тех, кто рос в городе, открытом всем ветрам. В одиночестве бродит она среди пустующих дачных домиков: некоторые фасады щеголяют флагом «Динамо Загреб», висящим на бельевой веревке, стены других украшают отверстия от пуль. Альма поднимает взгляд к колокольне и видит, как чайка расправляет крылья. Утром она звонила в гостиницу на острове — спросить, можно ли забронировать номер. Можно, ответили ей неохотно. Времена меняются, но остров сохраняет свою неучтивость.

Тем временем небо прояснилось, выглянуло балтийское солнце. Кажется, она всю жизнь провела под таким вот небом в погоне за чем-то неопределимым. Однажды зимой в своем городе на востоке Италии, где-то в конце февраля, она шла по лесу барона Револьтелла, и деревья раскачивались от порывов боры*, она сжимала руку мужчины,

* Бора (итал. bora, от лат. boreas, греч. boréas — северный ветер) — сильный и порывистый ветер, дующий в холодное время года

скользнувшую в карман ее пальто, и ее пробрала дрожь. Такое бывало с ней не раз: она знакомилась с кем-то, проводила с ним время, вместе всматриваясь в небо, разделяла с ним путь, но потом уходила.

Колокола отбили время, капитан катера вошел в рубку проверить, все ли готово. Альма спешит к трапу, на билет никто даже не посмотрел: она единственный пассажир, и вид у нее иностранки из северных стран. Где бы она ни жила, ее всегда принимали за неместную. То ли она ведет себя как-то неуверенно, словно приехала совсем ненадолго. А может, потому, что она медлит, прежде чем ответить на вопрос. И все думают, что она не понимает их язык, никакой язык, а ведь на самом-то деле она говорит на нескольких.

На палубе она облокачивается на поручни и смотрит вниз, чтобы увидеть, как мотор катера вспенивает воду, когда отчаливает. Однажды, когда отец держал ее на руках, шляпка у нее упала в воду. Купленная в Венеции соломенная шляпка с голубой лентой. В утешение отец повел ее вниз в рубку, присутствующие встали пожать ему руку, он перекинулся парой слов с капитаном, и тот вытащил из шкафчика под штурвалом прямоугольник синей материи с вышитой сбоку красной звездой и нацепил ей на голову. Альма сказала спасибо, а капитан с отцом многозначительно переглянулись.

с горных склонов и приносящий значительное похолодание на Адриатическом побережье Югославии вблизи Триеста (скорость ветра достигает 40 м/с). — *Прим. ред.*

Пилотка югославских пионеров осталась в детстве, нет и фотографий того дня: в то время мало кому из нас доводилось быть увековеченным на пленке, разве только по случаю какого-нибудь праздника, если выпадет удача поучаствовать в национальном параде и попасть на стражицы Vjesnik или Novi list. Альма помнит, что на ней были голубые сандалии и матроска. Долгие годы она считала, что это воспоминание подсунило ей воображение и оно выросло в пустыне семейной памяти с упрямством акации в Сахаре, но потом перестала об этом думать.

В те времена отец возил ее два-три раза в год на остров. Там царила атмосфера кинофестиваля с бокалами пенящегося шампанского. Залихватская атмосфера неприсоединившихся стран. Мужчины в пиджаках, галстуках и белых шляпах прогуливались по бульварам или разъезжали на маленьких кабриолетах; стада оленят щипали травку на полях для гольфа. Альма ныряла с плоских рифов и плавала под водой среди актиний величиной с кулак, кефалей и морских карасей*. Ей не разрешалось ни с кем разговаривать, она еще удивлялась тогда, как бы ей это вообще удалось, если тут говорят на непонятных языках. Порой она улавливала отдельные слова, смутно похожие на услышанные в своем городе в автобусе или на пляже за Сосновой рощей, куда приходили купаться словенцы из Контовелло.

* Морской карась (или белый сарг, или полосатый карась) — вид лучеперых рыб из семейства спаровых. Держится в прибрежной зоне около скалистого дна и зарослей посидонии. — *Прим. ред.*

Иногда на острове появлялись другие дети: синие пи-лотки с красной звездой, как у нее, белые рубашки и красный галстук на шее. Отец объяснил, что это пионеры, и она сказала, что тоже хочет быть пионеркой. Это еще зачем? Чтобы носить такую же форму! На самом-то деле она терпеть не могла, когда на острове оказывались пионеры. Банда, дикое племя. Говорят на своем секретном языке, свои непонятные жесты: хлопают друг друга ладонью о ладонь, стучат кулаком в кулак, вопят, ныряют с самых опасных южных рифов, свистят в два пальца. Иногда они утаскивали ее с собой на вылазки к виллам и через дырки в заборе подглядывали за тем, как официанты в форме разводят огонь для гриля, на широких каменных столах стоят вазы, пока без цветов, ворота охраняются военными. Никто из солдат их не ругал и не прогонял, даже когда они становились слишком назойливыми, потому что маршал обожал детей, фотографировался с ними на всех публичных церемониях, целовал и принимал от них подарки, поощрял спортивные игры, на которых частенько появлялся с женой и чиновниками, уцелевшими после очередных чисток.

Случалось, что Альма натыкалась на своего отца, тот гулял по аллеям острова в компании женщин с жемчужными ожерельями и курящих мужчин, он подмигивал ей, намекая, что сейчас неподходящий момент напоминать всем, что у него есть дочь. Проходя мимо, она слышала, как он говорит всякий раз на новом языке, слова так легко срывались с его губ, нанизываясь одно на другое, что никому не под силу было распознать его акцент, понять, откуда он

родом и даже — на чьей он стороне. (Где он родился? Кем были его родители? И что у него за имя?) Эти элегантные женщины и мужчины не знали, что ее отец — бродяга, сочиняющий ошеломительные истории, и поет страшные колыбельные — дома он то появлялся, то исчезал, и никогда заранее не знаешь: вернется он или нет. На него нельзя было положиться. Он сбегал постоянно на восток, и ей с матерью оставалось только ждать его, вечное ожидание.

Детство Альмы до переезда в дом на Карсте вспоминается как череда сменяющих друг друга ожиданий и напряженных дней, когда ее мать приносила домой алюминиевые лоточки с поджаристыми чевапчицами, айваром, кипферлями, свеклой с картошкой — ужин к возвращению отца, не дождавшись его, нехотя съедали сами. И если во взрослом возрасте Альму несколько раздражал стук женских каблучков по паркету, то потому, что в те дни напрасной надежды ее мать надевала зеленое атласное платье выше колен с открытыми плечами и туфли на каблуках, которые часами мучительно стучали, перебегая из кухни к окну гостиной и обратно, пока не сдавались перед темнотой и не забрасывались в кладовку, оставляя в воздухе шлейф тревоги и боли.

В детстве ее мать подавляли шкафы, где на полках царил идеальный порядок: белье из жесткого хлопка, переложенное мешочками с лавандой и стружкой марсельского мыла; диваны в тон коврам и стенам. Она задыхалась от показного порядка и хорошего вкуса, так что любая форма неустойчивости, патологического беспокойства обладала

дерзкой привлекательностью: мечталось бороздить просторы океана, но на самом-то деле она тосковала по берегу, лавируя на скверно сколоченном плоту, который швыряют бурные волны. В юности изучала историю искусств, и все говорили, что она стильно одевается, но, не досдав выпускные экзамены, бросила университет и вышла замуж за отца Альмы, славянина, чем навлекла на себя проклятья и угрозы, а затем и сдержанную враждебность своих родителей. Она не умела ничего делать, не готовила, понятия не имела, как заправить простыню под матрас, вещи валялись у нее из рук, пачкали паркет, ставший липким, как столики в забегаловке. Она ни разу в жизни не пришла вовремя на встречу. Зато любила растения и цветущие сады, их дом, словно живая природа, противостоял грязному белью, чашкам с засохшим на доньшке кофе и столу, усыпанному крошками. Она нашла работу в Городе душевнобольных: пришла на собеседование с горшком роз в руках, и это так понравилось доктору, мечтавшему о революционных изменениях, что он принял ее, дабы она привнесла немного хорошего настроения в эти места.

Иногда вечерами Альма слышала, как мать плачет в своей комнате. «Пойдем искать папу», — говорила Альма, но мать только качала головой, она не знала, где именно его искать за восточной границей, в какой югославской гостинице или на чьей вилле. Она утирала слезы краем простыни с серыми разводами и говорила, что они никуда не пойдут, а останутся в городе, потому что папа обязательно вернется. И Альма в свои семь или десять лет понимала: отца

притянет назад город, а не семья. Если бы ей кто-нибудь сказал однажды, что она пойдет по его стопам, она бы посмотрела на него с ужасом.

*

Катер преодолевает короткое расстояние, отделяющее остров от материка, с вялостью бродячего торговца. В море поднялась бора. Вдалеке показываются очертания гостиницы, окруженной сероватой дымкой: фасад, напоминавший об австро-венгерском санатории или затеряншемся во времени Бальбеке*; интересно, носят ли там еще горничные плотные колготки телесного цвета, остались ли до сих пор элегантные, как из журнала мод, бармены и портрет маршала над полкой с ликерами? Сколько ей было лет, когда она побывала здесь в последний раз? В то время она еще плохо понимала язык и только догадывалась о сложностях отца.

Сейчас на краю мола стоит мужчина и смотрит на материк, держа руки в карманах. Альма путешествует с сумкой через плечо, куда влезает ноутбук, книга, несколько кофточек, сменное белье и базовая косметика: решение поехать она приняла импульсивно, не оставив себе времени на сборы, боялась передумать и бросить эту затею.

* Бальбек (фр. Balbec) — вымышленный нормандский курортный город, описанный Марселем Прустом в романе «В поисках утраченного времени». — *Прим. ред.*

Когда она сошла на берег, мужчина, держа руки в карманах, поздоровался с ней по-немецки.

В гостинице витает дух дезертирства. В холле старомодные плафоны на стенах излучают желтоватый свет, увековеченный на пленках «Кодак», ковровые все еще охристого цвета, сохранились и янтарные пепельницы, и кресла, где сживали голливудские актрисы. Она регистрируется по-английски, мальчик на ресепшене в два раза младше ее, внимательно изучает ее паспорт, даже не подозревая, что она может говорить на его языке. Он молча выдает ей ключи.

Коридоры на втором этаже — как в советском общежитии, не хватает только дежурной на стуле перед дверью в общий туалет, отмеряющей кусочек туалетной бумаги или разорванной газеты. Но все же это гостиница для партийцев, и детали тут продуманны: на стенах — фотографии из путешествий, в номерах — паркет, но в ванной теперь уже капает из кранов ржавая вода, а на потолке мигает неоновый свет.

Она выходит на балкон своего номера, лес на заднем плане молчаливый и заброшенный. А ей этот лес помнится похожим на большой английский парк. Создавать мифы вокруг прошлого, смещать границы реальности — в таком искусстве ей нет равных, она научилась этому с детства, когда проводила время то с матерью, то с отцом, то с бабушкой и бабушкой по материнской линии. Соперничающие друг с другом миры, между которыми именно ей приходилось протягивать ниточку, чтобы все не сошло с ума. Была жизнь с матерью, где в раковине громоздилась грязная посуда, в пепельницах — сигареты, а на диванах — гости,

которые приходили и уходили, наполняя дом коробками с пищей и бутылками вина, столичным выговором и суматошным весельем, порой заглядывали и душевнобольные, которые жевали ноги Альминых кукол, будто это жвачка. Там она могла пользоваться полной свободой: проводила целые дни в саду или колесила на велосипеде по тротуарам вокруг дома; если ей случалось упасть и ободрать коленку, мать ее вообще не слышала — ночью она обычно мучилась бессонницей, а днем досыпала, вставив в уши затычки из воска, так что Альма, немножко поплавав, забывала об ободранной коленке и крутила педали дальше, и никто ей не говорил не уезжать далеко. Была жизнь у бабушки с дедушкой, и это она любила больше всего: горячий шоколад на полдник, благовоспитанные беседы, картины маслом на стенах и подушки на диване с вышитой сценой охоты; уверенность, что именно она унаследует серебряные приборы, бокалы баккара и этот элегантный и светский образ жизни, а не их дочь. Они ведь советовали припрятать от матери старинные монеты, что дарили внучке на день рождения. У бабушки с дедушкой Альма отдыхала, тут всегда была для нее чистая пижама под подушкой и фрукты на завтрак, свободный стол, чтобы делать уроки, и идеально наточенные карандаши. А еще был ее отец. Белокурое огородное пугало, которое появлялось на горизонте без предупреждения. Высокий и прямой, он всегда приносил с собой атмосферу лета: белая, потрепанная на спине рубашка, брюки, идеально сидящие на бедрах, улыбка изумленная, неземная. Ее отец, тот, кто исчезал и появлялся

вновь, тот, кто возил ее на остров коммунистов, одевал маленькой пионеркой и учил печальным балканским песням, давал попробовать сливовицу кончиком языка и водил в кино, приезжая домой.

Альма дрожит от холода, тень от леса тянется до самого номера гостиницы, словно понижая температуру внутри на несколько градусов и преграждая путь приятному апрельскому солнцу. Она вдруг замечает, что изо всех сил вцепилась в перила балкона, будто боится упасть. Альма смотрит на свои пальцы, на словно восковые костяшки суставов. Она перестала носить кольца, когда поняла, что они не удерживают людей вместе.

*

«Хочешь посмотреть на зоопарк?» — спрашивал ее отец, как только они оказывались на острове, даже если они и бывали там неоднократно. Зебры, степные и горные, которых привезли из Гвинеи, зебу, которого прислал в дар премьер-министр Индии, овцы из Сомали, с молочно-белым туловищем и черными мордочками, и еще антилопы. «Пойдем к Сони и Ланке!» — весело торопил отец, и от этой фразы по ее телу словно пробежала тысяча электрических искорок.

Ей нравились слоны, полученные в дар от индийской принцессы, или ей просто нравилась история индийской принцессы. Их посещения зоопарка надолго не затягивались, на самом интересном появлялся кто-нибудь и звал отца,

тогда он натягивал пиджак на костлявые плечи. И пусть он всегда носил элегантные брюки и белоснежные рубашки, у него всего равно был вид человека, просто проходившего мимо, того, кто подходит к барной стойке пропустить рюмочку, прежде чем бежать дальше, раствориться в большом мире. Он запрыгивал в некий кабриолет, мчавший его туда, где гремел праздник и решались судьбы. Радостное возбуждение и экзотика испарялись вместе с ним: Сони и Ланка снова становились двумя толстокожими, распластавшимися на соломе в тенистом углу загона, откуда-то доносились крики ссорящихся буйволов, и от беготни стада зебр дрожала земля.

Время на острове растягивалось: нескончаемое время, длиной в целое лето.

Дети, забытые на обочине официальных торжеств, бродили группками или каждый сам по себе. Мы выходили к морю за парком, спускались по скалам и болтали ногами в воде, поглаживая актинии и поднимая рябь вокруг черных морских ежей. Иногда подплывали мелкие морские караси. Мы протягивали руки и дотрагивались до них, играя, как будто превращаем их в акул или в морских змей с десятью рядами зубов. Мы обдумывали какие-то свои неведомые мысли, не в силах оторваться от воды, пока набежавшая волна не обрушивалась на шхеры и не забрызгивала нас с головой.

Остров — это ключ, но Альма не знает, от какого ящика. Сейчас тут пустынно и хлещет ветер, но в те времена, когда она приезжала сюда с отцом, тут всегда была

толпа встречающих, машины с водителями, актрисы на высоких каблуках и суматоха на заднем дворе отеля. Когда тут были женщины, воздух словно искрился, дипломатия сбавляла обороты и гости больше напоминали обычных отдыхающих. Да и отец расслаблялся, они больше времени проводили вместе, гонялись за павлином-альбиносом или плавали в бухте у римских развалин, где вода теплее: отец умел надолго задерживать дыхание, опускался на самое дно, ворочал крупные камни, попутно сдирая с них скальп из водорослей, вокруг тут же собирались косяки зубаток и плыли за ним, как крысы за дудочкой крысолова. Дети ныряли вслед за ним, и он дурачился, перекрикиваясь с ними на всевозможных языках.

Альма никогда заранее не знала, когда поедет на остров. Отец всякий раз появлялся без предупреждения на пороге их дома на Карсте, куда они переехали, когда сожгли все мосты в отношениях с мамиными родителями: всегда взбодраженный, счастливый, с охапкой помятых газет, в глазах азарт того, кто рьяно следит за новостями. Потом он объявлял, что завтра они уезжают, и вел мать на ужин в осмицу* в Саматорце или к рыбакам в Дуино. У него была способность делать эти моменты незабываемыми — прерогатива легкомысленных и эгоистов или тех, кого вечно непреодолимо тянет к чему-то такому, чего другие, особенно семья,

* Осмицы — традиционные фермерские семейные траттории под Триестом, которые бывают открыты всего несколько дней в году. — *Прим. пер.*

не понимают. На следующее утро они вдвоем уезжали на рассвете, как беглецы, Альма волочила за собой подушку.

*

На острове в этот апрельский день улицы пустынные и безлюдны, перед музеем припаркован «Кадиллак» маршала, но никто его больше не полирует до блеска, это реликвия под чехлом, иногда арендуемая для свадеб в ностальгическом югославском стиле. На табличке рядом написано, что это подарок эмигрантов из Канады человеку, который был чем-то бóльшим, чем глава государства: отважным бойцом, тем, кто осмеливался не повиноваться русскому отцу народов и при этом выходить сухим из воды. Альма помнит маршала. Когда он выходил на пристань, мужчины надевали пиджаки. Маршал крепкий, массивный, загорелый. Она помнит его высоким, но, может, он таким и не был. У него зеленоватые глаза, решительные и спокойные (кто-то говорил, что они цвета незабудок, «змеиные глаза» — писали американцы в своих отчетах). Он улыбался с пленительной искренностью. В рассказах ее отца, когда они сидели на обрыве, болтая ногами в теплой воде бухты, маршал становился воинственным сувереном: у него имелось тринадцать золотых сабель, десяток орденов, тоже из золота, с бриллиантами, шестнадцать югославских знаков отличия и девяносто девять иностранных. В мире, разделенном холодной войной, все его уважали, как это бывает с диктаторами. Несколько лет спустя эти героические истории стали

восприниматься двояко: на первомайской демонстрации студенты притащили огромное зеркало и повернули его к трибуне, чтобы суверен, или тиран, мог в него посмотреть. Она так и не поняла, стоит ли восхищаться или осуждать этот поступок.

Однажды на острове маршал обратился прямо к ней, стоя так близко, что были видны желтые крапинки на радужной оболочке, она попятилась от страха и спряталась среди других детей из хореографического номера, а он ей улыбнулся.

В последний раз, когда она его видела, был день сведения счетов под потрескивающим сентябрьским солнцем. Отец велел ей: «Давай, иди и не попадайся никому на глаза» — и попросил бармена в белой рубашке и бабочке налить ему траварицу.

Альма направилась к руинам византийского каструма, на другую сторону острова, но по дороге испугалась ветра в пустынных полях и шуршащем лесу: девочка с красным галстуком на шее, которая бродит одна в окрестностях военной базы и могилы Купельвизера. Не послушавшись отца, она вернулась к гостинице, все пришвартованные в гавани лодки куда-то подевались, и там не осталось и следа человеческого присутствия.

Она поднялась по ступенькам, которые вели в патио, и оттуда подошла к высоким окнам столовой, почти полностью закрытым бархатными шторами, защищавшими ее от посторонних глаз. Внутри горел свет и клубился сигаретный дым. Так средь бела дня девочка подглядывала

в помещение столовой, погруженной в полутьму: ей удалось разглядеть овальный стол с янтарной пепельницей на вышитой салфетке, мужчин, упирающихся локтями в колени, и маршала, на которого все смотрели; тот сидел в ротанговом кресле с сигаретой в руке. Маршал обратил взор к окну, и вид у него был будто сонный или такой, словно он чем-то глубоко опечален.

Потом появился отец, белокурый, гибкое тело пловца, прямо вот только что из бассейна. В отличие от всех остальных он без галстука, и это весьма для него характерно. Вот он подтащил стул к столу, устроившись во втором ряду, и вытягивает шею, будто наблюдает за партией в шахматы. Кто-то ему что-то сказал, но отец не разжал губ, и тот оставил его в покое. Солнце пригревало спину, так что девочке в засаде было хорошо.

Когда маршал обратился к отцу, она сразу это поняла, потому как все сидящие вокруг стола стали поворачиваться к нему, пока взор этих зеленоватых или желтоватых глаз не уперся в отца, а тот принялся раскачиваться на стуле. Они смотрели друг на друга несколько секунд — Бог и его создание. Потом отец вернул стул в устойчивое положение и произнес очень короткую фразу. Мужчины вокруг скрестили руки на груди, а отец снова заговорил, на этот раз он говорил долго. Голова маршала была едва заметно повернута к окнам.

Отец говорил, а остальные держали руки сложенными на груди, кто-то приложил ладонь ко рту. Альма поняла, что, если она сейчас пошевелится, все ее заметят. Солнце

продолжало нещадно печь спину. Маршал что-то сказал, не отводя взгляда от окна, и тут отец поднялся со стула. Альма испугалась, что маршал приказал отцу избавиться от дочери, как Бог евреев потребовал принести в жертву невинного сына, только без возможности остановить его руку.

Не так давно дед ей рассказывал, что там, за границей, людей устраниют без причины — идол ее отца ссылает несогласных на остров, где расположена тюрьма, лагерь вроде нацистских, — представляешь, *schatzi*?* — и больше от них ни слуху ни духу. Она задумалась, уж не тот ли это остров, куда она навещается с отцом, но не могла спросить у деда, потому что обещала никогда никому не рассказывать об этих вылазках на восток, особенно деду. Честное пионерское? Что это значит? Неважно. Да, честное пионерское.

Но отец не пошел за ней, чтобы принести в жертву тираническому Богу, он вообще не двинулся с места. Только поглаживал рукой худую шею, утопавшую в воротничке рубашки. Какой-то мужчина с пластиковым удостоверением, приколотым к карману пиджака, что-то говорил, а человек, сидящий рядом с ее отцом, выдернул у него из рук блокнот и швырнул на стол с явным омерзением, словно это волос, обнаруженный в тарелке с супом.

Голубой блокнот теперь лежал между янтарными пепельницами на вышитых салфетках — противопехотная мина, при виде которой все задерживают дыхание, только бы

* дорога (нем.). — Прим. пер.

она не взорвалась. Никто к нему не притрагивался. Отец по-прежнему поглаживал шею, а маршал смотрел в окно. Какой-то мужчина в полосатом галстуке что-то сказал, но маршал его прервал. Теперь все молчали. Отец собрался было сесть, но потом передумал.

Казалось, тишину вокруг отца можно потрогать рукой, как некую вязкую и липкую субстанцию. Маршал потушил сигарету в янтарной пепельнице, отец протянул руку, чтобы забрать свой голубой блокнот, но мужчина сбоку перехватил его руку, а другой убрал блокнот в папку. Маршал улыбнулся окнам и подал знак подошедшему официанту полностью задернуть шторы.

Тогда Альма побежала как можно дальше, чтобы отец не заподозрил, что она все видела.

Сегодня тоже пригревает солнце и в парке на острове тоже ни души.

Парнишка на ресепшене поднимает глаза от телефона, когда она проходит мимо: светловолосая женщина, высокая, как шведка, в легкой бирюзовой ветровке не по погоде. Они встречаются взглядом. Парень утыкается в экран мобильного.

Он Альму уже не видит, зато ее может видеть мужчина, который так и стоит на пирсе, теперь он смотрит, как она идет к бухте, и думает, что она иностранка, из тех, что путешествуют в одиночку, сумасбродка, чудачка. Ветер колышет ее как яблоню и выметает из головы все мысли. В роще нет больше оленей и павлина-альбиноса не видно, если он вообще еще жив.

В тот последний день на острове отец отыскивал ее, когда уже смеркалось и сверчки давно уступили место цикадам. Отец прибежал к маяку запыхавшись, и Альма впервые убедилась, что она ему дорога, что ему страшно ее потерять. Отец взял ее за руку и потянул вниз с каменной ограды то ли грубо, то ли испуганно. Он словно собирался сказать ей что-то, но потом передумал, и они просто пошли к лодочному причалу. Теперь Альма иногда думает, а не является ли наследием тех дней с отцом ее способность молчать рядом с теми, кого любит, тот навык, которого она никогда в себе не замечала, пока кто-то не обратил на это ее внимание.

В тот день катер ждал их у пирса, и они сели на него, не оборачиваясь, оставив позади Бальбек, который, скорее всего, был Замком, не зная, вернутся ли еще когда-нибудь. Они вышли на палубу и облокотились на поручни, наблюдая за пенными гребнями волн, рассекаемых носом катера на два симметричных веера. Далекие огни материка казались точками, чуть крупнее звезд и только немного теплее, и, пока катер плавно приближался к берегу, на море опустилась ночь.

— Ты должна кое-что усвоить, Альма. Это очень важно, — сказал внезапно отец во тьме между водой и небом. — В жизни можно иметь какую угодно свободу, но если нельзя говорить и писать то, что думаешь, значит, что-то очень скверное уже близко.

Она поняла, что он имеет в виду голубой блокнот, а не просто учит ее жизни.

— Ты знаешь, что это за человек, с которым я сегодня говорил?

— Маршал Тито, — гордо отвечает она.

— А знаешь, кто он?

— Диктатор! — ей показалось, что самое время блеснуть этим словом, которому ее научил дед.

— Кто тебе такое сказал?

Альма почувствовала, как напряглась рука отца, и знала, что он сверлит ее взглядом в темноте. Альма уткнулась взглядом в воду за бортом. Нет, она никогда не выдаст деда, в их семье считалось, что стукачество — это подлость и низость, достойная только высшей степени презрения. Надо сказать, что в доме никогда не скупились на презрение.

— Без Тито страна не победила бы нацистов, — отчеканил отец. — Когда война закончилась, он решал, на чьей стороне быть: с Советским Союзом или с Соединенными Штатами, — это тебе известно?

Он замолчал в ожидании, что Альма что-нибудь ответит.

— А мы с кем? — спросила она, помедлив.

— Я и ты — мы ни с кем, — объяснил он. — Когда вся власть у двух человек, то они рано или поздно друг с другом договорятся, и единственное, что можно сделать, это не быть ни с кем, не дать собой распоряжаться, думать своей головой.

— Но Штаты и Союз не люди!

— Со странами то же самое, — сказал он. Потом он мягко приподнял ее лицо за подбородок, заставил повернуться к нему, чтобы удостовериться, что она не пропустит в темноте его слова. — Пусть это кажется странным, но иногда страны ведут себя совсем как люди. Представь

себе двух людей, которые ненавидят друг друга: Штаты и Союз, и пытаются всеми способами заручиться дружбой третьего, потому что рассчитывают так стать еще сильнее. И Штаты, и Союз попытались покорить маршала Тито, как сирены в легенде об Одиссее, каждый сулил свои подарки. Но никогда нельзя верить тому, кто кормит тебя обещаниями, понятно?

Альма кивнула.

— Нет, это важно. Ты правда поняла? — Он стоял так близко, что она могла ощущать тепло его дыхания.

— Да.

— Нужно помнить об этом всегда. В твоей жизни будет куча людей, готовых посулить тебе свою дружбу, свою любовь и верность — то самое, что нет никакого смысла обещать, то самое, что просто есть, и всё, или же сходит на нет.

— Я поняла. Мне больно, — сказала Альма, отец сжимал ее руку, сам того не замечая.

Отец отпустил ее руку и отвел взгляд. Он присел на лакированную скамейку на палубе и ждал, когда Альма к нему присоединится. Потом они молча сидели рядом. В небе над ними сияли Большая и Малая Медведица, созвездие Лебедя и Меркурий низко над горизонтом.

— Папа, твоя страна — Югославия? — спросила она, когда катер качнуло уже у пристани.

Он улыбнулся, потом протянул ей руку, чтоб помочь спуститься по трапу, как делал, когда она была совсем маленькой.